

ГЛАВА ПЯТАЯ

Древнейшая история восточных славян. — Образование Русского государства на севере и на юге. — Утверждение христианства на Руси. Раздробление Руси на уделы. — Русские князья и половцы. — Суздаль и Новгород. — Появление Ливонского ордена. — Внутреннее состояние Руси до конца XII в.

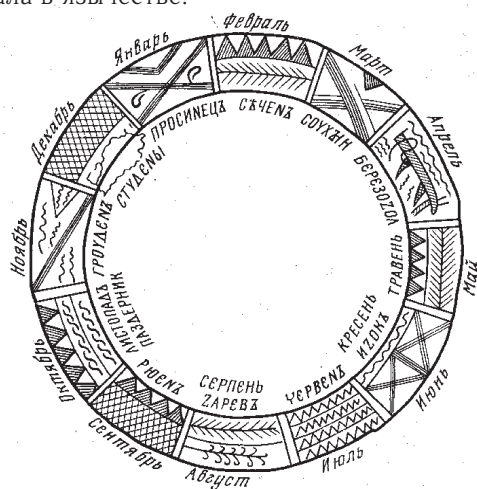
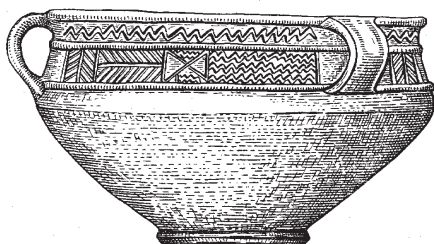
Не то было с *восточной* ветвью славянских народов. Когда Средняя Европа была занята борьбой первых Каролингов и все ее страны более или менее принимали в ней участие, в то время, когда папство, быстро возрастая в могуществе, начинало оказывать весьма сильное влияние не только на духовную, но и на политическую жизнь европейского Запада, у Восточной Римской империи появился новый и весьма опасный враг, с которым ей пришлось серьезно считаться... Этим врагом были *руссы* или *русь* — народ славянского племени, родственник чехам, полякам, сербам, моравам и балтийским славянам, с которыми германское племя находилось отчасти в мирных отношениях, отчасти в непрерывной борьбе. Целью борьбы, с одной стороны, было желание отнять у славян как можно больше земли, столь необходимой для быстро разраставшегося германского племени; с другой — желание как можно далее раздвинуть пределы христианства путем сильно развитой миссионерской деятельности. Едва ли даже германцы знали во времена Каролингов, что за землями поляков, чехов, сербов и моравов, за пограничными областями аваров и венгров, неутомимых в борьбе и набегах, живут еще какие-то славянские народы. Большинство думало, что за ближайшей к Германии славянской окраиной начинается пустая степь, заселенная бродячими и безликими племенами кочевников. Не более верны были в то время и понятия византийцев о странах, лежавших к северу от берегов Тавриды и Понта Эвксинского, хотя, казалось бы, греки должны были иметь довольно верные сведения о них, поскольку и Таврида, и северные берега Понта были унижены греческими колониями, которые издавна состояли в торговых отношениях со славянскими племенами, жившими в низовьях Днепра, а также на его среднем течении и по важнейшим притокам.

Когда в июне 860 г. многочисленные корабли воинственной Руси неожиданно появились на Босфоре, под стенами Константинополя, греки впервые услышали слово «Русь» и положительно не знали, откуда появился новый враг. Этот первый морской набег Руси на Константинополь, за которым последовали многие другие, был отражен. Однако он послужил началом непосредственных и разнообразных отношений Византии с новыми, еще неизвестными ей варварами. Византия, с одной стороны, стала заманивать и привлекать их к себе всякого рода торговыми льготами и облегчениями в обмене

Первые известия о Руси.

Нападение Руси на Царьград в 860 г.

товаров, а с другой — поспешила привязать к себе религией, отправив к ним ловких миссионеров, явившихся с уже готовыми переводами священного писания и богослужебных книг на языке родственных Руси славян, живших в пределах Византийской империи. Этим миссионерам удалось подчинить своему влиянию на Руси киевских князей и свить в Киеве настолько прочное гнездо, что там был даже выстроен храм, в котором киевские христиане свободно могли совершать богослужение, хотя значительная часть киевского населения, как и вся Русь, еще пребывала в язычестве.

Древнейшие, приписываемые предкам славян, сосуды, с календарными «чертами и резами» (IV в.).

Слева вверху — из Войсково; внизу — из Каменки; справа — прорисовка гадального круга (календаря) с чаши из Лепесовки.

Первые договоры Руси с греками.

Эти отношения вскоре привели к существенным результатам: уже в 907 г. был заключен первый формальный торговый договор между Византией и Русью при киевском князе *Олеге*, который уже в 911 г. был дополнен и расширен новыми статьями. Благодаря этим довольно удачно установившимся отношениям грекам удалось ближе познакомиться со славянами, успевшими заселить обширное пространство по *Днепру* и *Западной Двине* и к северу и северо-востоку до *Чудского* и *Ладожского* озер и верховьев Волги. Многие византийские писатели, в том числе император Константин Багрянородный, занимались изучением их и сохранили о них любопытные сведения.

Древнейшая история Руси.

Морской набег «русских» славян на Византию в 860 г., когда они впервые вступили на сцену европейской истории, был не первым фактом их истории, а только одним из результатов многовековой исторической жизни. Заброшенные по окончании великого переселения народов на восток Европы, на окра-

ину великой восточноевропейской равнины, они поселились здесь на границе, отделявшей степь от обширных дремучих лесов, и быстро стали расселяться по рекам в северном и северо-восточном направлении, оттесняя *финские* племена и ведя почти непрерывные войны с ордами степных кочевников, все еще прибывавшими из Азии. Для этих орд роскошные луговые степи на юге восточноевропейской равнины служили удобным путем, по которому они двигались со своими громадными стадами, то мирно кочуя, то воюя со встречными племенами. Их грозные нашествия закончились в XIII в. нашествием монголов на Русь, которой пришлось грудью защитить Западную Европу от этих варваров. Начало этих нашествий следует искать в глубокой древности, за много веков до IX в. Так, славяне были в войске *Аттилы*, который, вероятно, увлек некоторые славянские племена вслед неудержимому движению своих полчищ. Предания свидетельствуют о продолжительной и упорной борьбе с *аварами* (или *обрами*), основавшими свое царство в V в. на развалинах грозного царства Аттилы. И в IX в. их можно застать в борьбе с *торками* и *печенегами*, кочевавшими в южнорусских степях. Борьба с последними была особенно тягостна для Руси, поскольку печенеги препятствовали отношениям Киевской Руси с богатыми греческими колониями Тавриды и северного берега Понта, а иногда, захватив днепровские пороги, наносили страшный вред торговле Киева с Византией. Но по меткому и справедливому замечанию одного из русских историков, «все вынесло, все преодолело это упругое русское племя, пробиваясь на широкую дорогу своей исторической жизни, и эта трудная и долгая школа закалила его характер и подготовила его к последующим испытаниям».

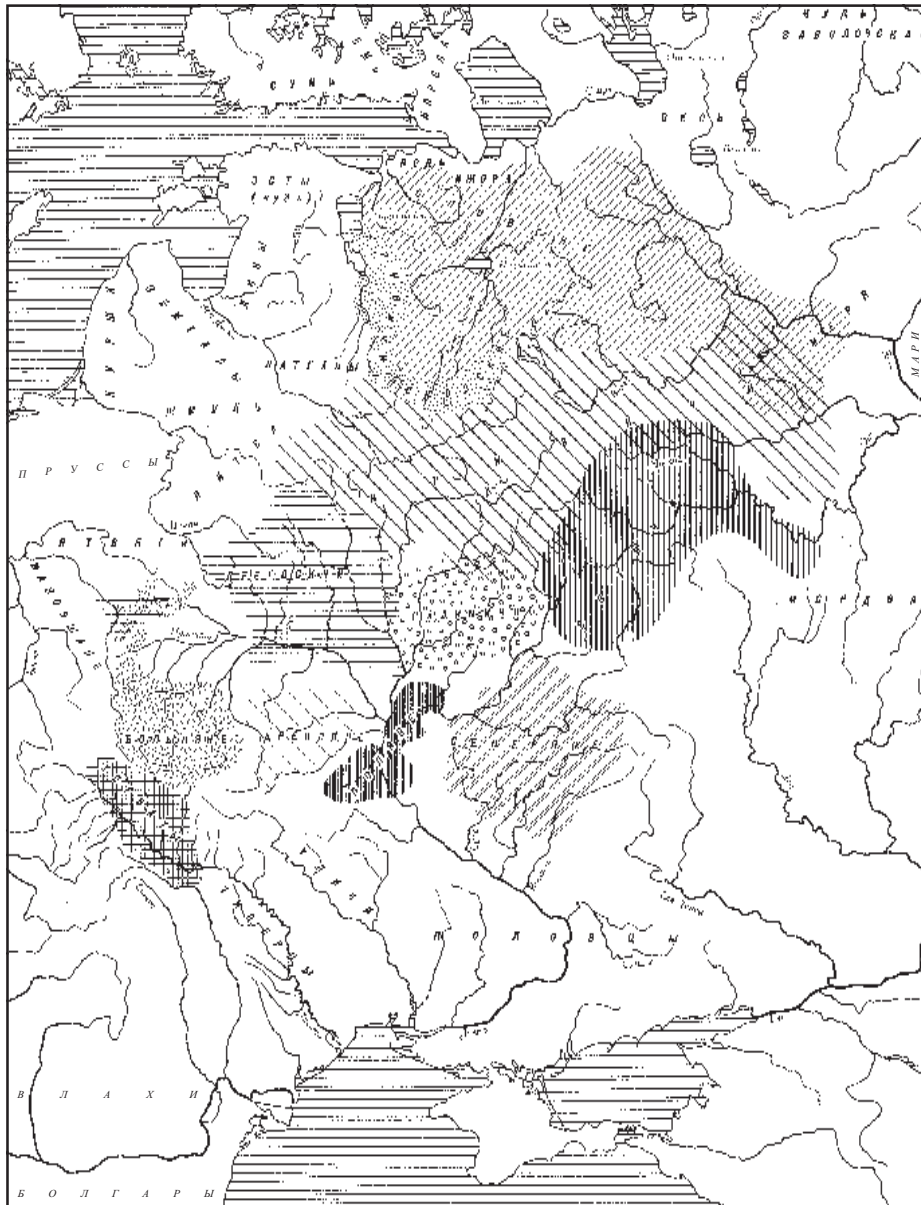
Племя русских славян делилось на семь важнейших племен: *поляне, древляне, кривичи, северяне, радимичи, вятичи* и *ильменские словене*. По месту поселения эти племена распределялись так (см. карту расселения восточнославянских племен в IX в.): поляне занимали среднюю часть Днепра, от реки Припять до реки Рось; древляне жили севернее полян по реке Припять; кривичи — в верховьях Днепра и Западной Двины; северяне жили к востоку от древлян и полян, между реками Десной и Сулой; радимичи — между Днепром и Сулой; далее, по Оке, жили вятичи; севернее всех, по берегам реки Волхова и озера Ильменя, жили ильменские словене. На территории, занимаемой этими племенами славян в середине IX в., было уже много городов, и притом не новых, а давно построенных, имевших уже свою историю и предания. Такими были *Киев* — в земле полян, *Чернигов* — в земле северян, *Смоленск* — в земле кривичей, *Коростень* — в земле древлян, *Новгород* — в земле ильменских словен. Из этих земель и племен с течением времени выделились и приобрели особое значение два племени: поляне и ильменские словене, отчасти потому, что были способнее и предприимчивее прочих, отчасти — что центры их исторической жизни (Киев и Новгород) лежали на концах великого торгового пути, по которому еще в глубокой древности с юга на север шли бронзовые изделия (в бронзовом веке), а позднее с севера на юг перевозился драгоценный янтарь и пушные товары. Путь этот, пролежавший по Днепру до его верховьев, а потом по Западной Двине или по реке Ловать,

Разделение Руси на племена. Путь из варяг в греки.

озеру Ильмень и реке Волхову до Ладожского озера, соединял Черное море с Балтийским и служил, вероятно, не только для русских славян, но и для других племен балтийского побережья, находившихся со славянами в частых, почти непрерывных — то враждебных, то мирных — отношениях. Эти племена в древней Руси были известны под общим названием варягов, и упомянутый водный путь с севера на юг был известен под общим названием «из варяг в греки». Понятно, что на этом пути Киев и Новгород должны были издавна приобрести важное значение главных торговых баз, а киевляне (поляне) и новгородцы (ильменские словене) должны были ранее других разбогатеть и выдвинуться на путь государственной жизни. Но ее развитию в значительной степени мешали непрерывные раздоры между славянскими племенами, которые наконец решили избавиться от этого зла тем, что, изгнав местных правителей, призвали на княжение трех витязей из норманнского племени, которое тоже носило название *родс* или *рось*. Эти три витязя: *Рюрик*, *Синеус* и *Трувор* — так гласит предание — явились со своими дружинами к ильменским словенам и стали править ими и ближайшими к ним союзными финскими племенами. Стали править по мирному соглашению и по желанию славян, которые призвали их «править и воеводить», — следовательно, это не было ни завоеванием, ни насилием со стороны пришлых варяжских князей, тем более что их ничтожные по числу дружины быстро ассимилировались с окружающей славянской средой и почти бесследно исчезли в третьем или четвертом поколении. Но нельзя отрицать, что норманские витязи, от которых пошел род русских князей, все же придали своеобразный оттенок первому поколению князей, которые, несомненно, имеют родовые черты норманских дружинников. *Новгород*, хотя и был важен как торговый центр и богатый город, служивший складом не только для пути «из варяг в греки», но и для волжского пути, по которому велась торговля с отдаленным Востоком, не мог долго удержать на суровом Севере предприимчивых князей, которым исстари и по преданию и по опыту был хорошо знаком путь в благодатные страны Юга, проходивший через *Киев*. К Киеву они и устремились, постепенно распространив свою власть сначала на страну кривичей и полочан, а затем и далее, и наконец осели в Киеве — «матери городов русских». Русские летописи приписывают князю *Олегу*, обосновавшемуся в Киеве и объединившему соседние племена с полянами, удачный поход под стены Царьграда и выгодный договор 907 г., дошедший до нашего времени только в отрывках в составе другого договора (911 г.). Те же летописи с особым уважением упоминают о княгине *Ольге*, супруге *Игоря*, первой христианке среди киевских князей, даже совершившей в старости странствование в Константинополь на поклонение его святыням. Особенно прославился ее сын, киевский князь *Святослав*, которого летопись рисует беззаветно храбрым воином. В нем, несомненно, уже слились черты норманнского типа со славянским.

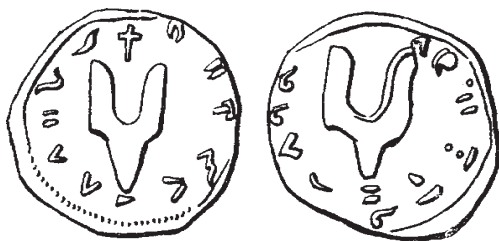
Любопытно, что об этом князе с восторгом говорят не только русские летописи. Его необычайную смелость и удаль прославляют и византийские источники, и арабские писатели. Всю жизнь он провел в войне с соседями, то умирив подчиненные Киевом соседние славянские племена, то воюя с гроз-

Князь
Свято-
слав.

Карта расселения восточно-славянских племен в IX в.

ными *хазарами*, утвердившимися в низовьях Дона и Волги, то предпринимая дальние походы на побережья Азовского и Каспийского морей и наводя ужас на богатые торговые города. Под его тяжкими ударами некогда пало грозное Хазарское царство, смирились и печенеги, трепетавшие при имени Святослава. Слава его достигла и гордой Византии, которую в это время отовсюду одолевали внешние враги. В 967 г. император *Никифор Фока* прислал по-

Печать
Святослава Игоревича (962–972)

слов к Святославу, приглашая его прийти с войском на помощь против *дунайских болгар*, теснивших Византию. Быстро собравшись в поход, Святослав явился на зов императора с сильным войском, усмирил дунайских болгар, завладел их городами и, увлеченный обаянием природных условий страны, а также ее близостью к Византии, решил, видимо, окончательно поселиться в этой благодатной земле,

покинув Русь на произвол судьбы. Только ожесточенные нападения печенегов, ободренных отсутствием Святослава и чуть было не захвативших Киев, вынудили смелого князя вернуться на родину, хоть и временно, поскольку он не мог расстаться с мыслью о покорении Болгарии. Он еще раз разбил печенегов и остался на Руси до смерти своей матери Ольги, которая вскоре скончалась, а впоследствии была причтена русской церковью к лику святых.

Но как только это произошло, Святослав поспешил разделить свои владения на Руси между сыновьями, а сам вернулся в Болгарию. Здесь его ожидали совсем иные условия: преемник Никифора, император *Иоанн Цимисхий*, был опытным и храбрым воином. Он не задумался вступить в борьбу со Святославом: потребовал очищения болгарских городов и удаления княжеского войска. Когда же Святослав не исполнил его требования, Цимисхий сильным флотом загородил выход из Дуная в море и подступил к городу *Доростолу* (на месте нынешней Силистрии), где засел Святослав со своей дружиной. Войско у Цимисхия было отборное, закаленное в боях, превосходно вооруженное, снабженное всеми современными по тому времени и совершеннейшими осадными орудиями. Началась борьба между двумя противниками, которые стояли друг друга. Византийский писатель, очевидец этой борьбы, *Лев Диакон Калойский*, описывает ее подробно, перечисляя все подвиги, достойные гомеровских героев. И Святослав, и Цимисхий постоянно были впереди, сражаясь как простые воины. Искусство взяло верх над мужеством: русские, изнуряемые голодом и непрерывными битвами, бились до изнеможения, но все же должны были уступить грекам. Мрачными красками описывает Лев Диакон страшные ночные тризны этих суровых воинов над кострами, где они сжигали тела павших товарищей, совершая при этом таинственные обряды: топили в волнах Дуная черных петухов и закалывали в честь сжигаемых воинов невинных младенцев и женщин.

**Борьба
Святослава с
Цимисхийем.**

Когда дело дошло до переговоров и заключения договора, противники решили увидеться. Свидание состоялось на берегу Дуная. Цимисхий явился на берег Дуная в великолепном позолоченном вооружении, окруженный свитой в блестящих доспехах. Святослав приплыл на место свидания с другой стороны Дуная на лодке, причем греб веслом наравне с другими гребцами. Лев Диакон оставил любопытное описание внешности Святослава: «Он был сред-

Описание
внешности
Святосла-
ва.

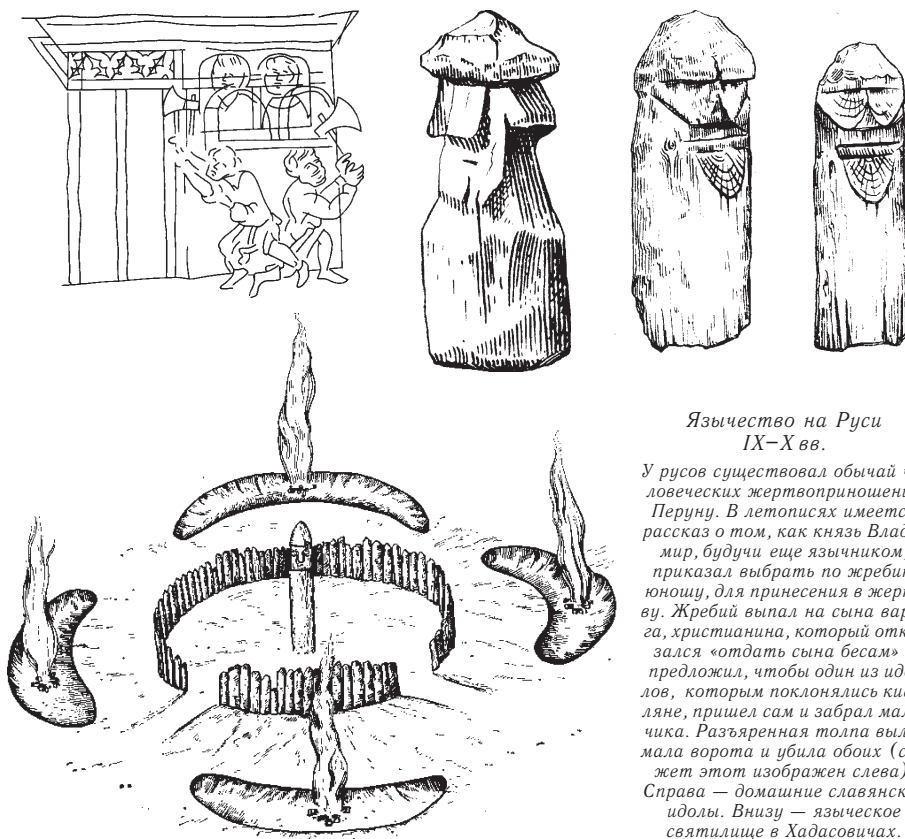

Дружина времен князя
Святослава (X в.).

Этапы строительства
погребального кургана (слева):
вначале строилась домовина
(дом мертвых), куда помещался
покойный вместе с
принадлежавшими ему вещами и
оружием; затем сооружение
поджигалось. После того, как
погребальный костер прогорал,
над пепелищем насыпался
курган, на котором проводилась
тризна. После чего курган
досыпали, а на его вершину
ставили столб. Вещи, найденные
в кургане Черная Могила
(справа): шлем, туры рога
и мечи.

него роста, нос плоский, глаза голубые, густые брови, мало волос на бороде, а усы длинные, косматые. Вся голова была выстрижена, кроме одного клока, висевшего по обеим сторонам в знак его знатного происхождения. Шея у него была плотная, грудь широкая, он был очень строен. Вся его внешность была мрачной и суровой. В одном ухе висела серьга, украшенная карбункулом и двумя жемчужинами. Его белая одежда только чистотой отличалась от одежды остальных русских».

В обратный путь из Болгарии Святослав отправил свое войско по суше, а сам с малой дружиной решил на ладьях подняться вверх по Днепру до Киева. Однако печенеги, узнав о малочисленности княжеской дружины, подстерегли Святослава в порогах и перебили его дружину. Святослав пал в неравной битве жертвой своей неразумной смелости. Как утверждает летопись, князь печенегов приказал сделать из его черепа чашу, оправленную серебром, из которой потом пил на пирах, хвастаясь победой над грозным росом.

*Язычество на Руси
IX–X вв.*

У русов существовал обычай человеческих жертвоприношений Перуну. В летописях имеется рассказ о том, как князь Владимир, будучи еще язычником, приказал выбрать по жребию юношу, для принесения в жертву. Жребий выпал на сына варяга, христианина, который отказался «отдать сына бесам» и предложил, чтобы один из идолов, которым поклонялись киевляне, пришел сам и забрал мальчика. Разъяренная толпа выломала ворота и убила обоих (сюжет этот изображен слева). Справа — домашние славянские идолы. Внизу — языческое святилище в Хадасовичах.

**Влади-
мир и
креще-
ние
Руси.**

Из сыновей Святослава вскоре выдвинулся *Владимир*, княживший сначала в Новгороде, а потом завладевший Полоцком и Киевом. Владимир был не только храбрым, но и умным и дальновидным князем. Он застал Киев почти христианским городом. Сам он был, вероятно, готов принять христианство по примеру своей бабки святой Ольги, но, подобно Хлодвигу, боялся уронить свое достоинство слишком поспешным переходом от язычества к христианству. Он знал, что все соседние племена — дунайские болгары, угры, поляки — уже

отказались от язычества, но, гордый своим достоинством единовластного повелителя обширной страны, решил завоевать себе веру. В 987 г., воспользовавшись каким-то ничтожным поводом, он объявил войну Византии и осадил город *Корсунь* в Крыму, близ нынешнего Севастополя. Корсуняне долго и упорно сопротивлялись, и говорят, что князь Владимир дал обет — креститься, если одолеет корсунян. Вскоре город действительно сдался ему, и тогда Владимир победителем вступил в переговоры с византийскими императорами *Василием* и *Константином*, заявил о желании креститься и потребовал руки греческой царевны *Анны*, сестры императоров. Царевна Анна приплыла из-за моря в Корсунь, решившись на подвиг ради высокой цели обращения языческой страны в христианство, и когда Владимир крестился, вышла за него замуж. Возвратившись из Корсуни с греческой царевной-супругой и с греческим духовенством, Владимир крестил своих сыновей и велел немедленно повсюду истреблять идолов, а народ учить новой вере и готовить к крещению. Дело обращения пошло весьма успешно, т. к. и до этого времени в Киеве было уже немало христиан. Вскоре по повелению князя Владимира все некрещенные киевляне были созваны на берег Днепра и там крещены в 988 г.

После крещения киевлян Владимир стал заботиться о распространении христианства по другим областям Русской земли, о постройке храмов и основании монастырей. В самом Киеве в 989 г. был заложен Владимиром первый на Руси каменный храм во имя Пресвятой Богородицы, воздвигнутый византийскими зодчими, т. к. русские в то время, да и гораздо позже, не умели еще строить больших каменных зданий. Эту церковь называли *Десятинной*, т. к. князь Владимир поднес ей в дар десятую часть (десятину) своих доходов. Вскоре после этого и в других русских городах стали возникать храмы, а около них появились и первые училища, в которых обучали грамоте, начался христианской веры и церковному пению.

На севере Руси христианство распространялось далеко не так успешно и быстро. В некоторых местах, как, например, в Новгороде, язычники даже оказали открытое сопротивление введению новой веры и уступили только после упорной борьбы. Особенно туго вводилось христианство в далекой и глухой Ростовской области и в земле суровых вятичей, которые даже замучили святого *Кукушу*, первого распространителя веры Христовой на этой дальней окраине. Но Владимир не жалел на это дело ни трудов, ни сил, и благодаря ему еще при его жизни открыто исповедуемое язычество исчезло среди различных племен русских славян. 15 июля 1015 г. Владимир скончался, и русская церковь, причтя его к лику святых, наименовала его *Равноапостольным* в память его заслуг.

Важным для Руси было именно то, что христианство внесено было не с Запада, не римскими миссионерами, а пришло с греческого Востока, который в ту пору уже был на грани разрыва с Римом. Резкие пререкания и раздоры между западной и восточной церковью, начавшиеся еще при патриархе *Фотии*, не прекращались в течение X в. и в начале XI в. привели к полному разрыву, который навсегда отделил Восток от Запада. Русская церковь, принявшая благословение и предания от восточной греко-католической церкви,

Строительство первых храмов.

Крещение Новгородской земли. Смерть Владимира. 1015 г.

Значение религиозной независимости Руси от Запада.

Остатки Десятинной церкви X в. до ее сноса. Вид XIX в.

твердо и постоянно держалась их, и никакие льстивые обещания и заискивания не могли поколебать русскую церковь и склонить ее на сторону папы как единого вселенского патриарха. Это должно было до некоторой степени повлиять на обособленность Руси от Западной Европы и в политике, но, с другой стороны, это способствовало сохранению и развитию оригинального и самобытного типа русской народности, который тесно связан с историческими условиями жизни русского народа и с *православной верой*, налагающей отпечаток на каждого русского человека.

Киевский князь Владимир, следуя примеру своего отца Святослава, разделил важнейшие города и области Русской земли между своими сыновьями. Вскоре после его смерти один из его сыновей, *Святополк*, задумав править всей Русью, убил своих братьев и стал править в Киеве, опираясь на помощь своего тестя, польского короля *Болеслава Храброго*. Против брата-злодея восстал княживший в Новгороде *Ярослав*. При помощи новгородцев он разбил Святополка и вынудил его бежать с Русской земли. Затем он стал княжить в Киеве (1019–1054) и прежде всего дал новгородцам за помощь в борьбе со Святополком особые льготы и права (так называемые грамоты Ярослава), способствующие возвышению и усилению этого города в ближайшие века. Ярослав правил долго и разумно, строя новые города на далеких окраинах (например, *Юрьев* в Чуди и *Ярославль* на Волге), распространил христианство среди финских племен и грамотность среди городского населения. По его желанию в Новгороде были открыты такие же, как в Киеве, училища для обучения юношей и подготовки их к духовному званию. Ярослав любил читать, собирал книги, приказывал переводить их с греческого языка на русский и переписывать со славянских подлинников. Памятниками благочестия Ярослава остались построенные им в Киеве и Новгороде *соборные храмы* во имя *святой Софии*, отчасти сохранившиеся и до сих пор. Князю Ярославу приписывают также первое собрание писанных русских законов, известное под общим названием «*Русская Правда*» — закона, по тому времени замечательного и не уступавшего по юридическим достоинствам германским и франкским законодательствам. В правление этого князя, любившего грамотность и просвещение, был основан знаменитый *Печерский монастырь*, служивший центром русской духовной письменности.

Забывая о просвещении Руси, о ее внутреннем спокойствии и безопасности, Ярослав меньше всего думал о завоеваниях. К соседям он относился враждебно, только если его вынуждали к этому. Он положил конец вторжениям *печенегов*, нанеся им в 1036 г. такое поражение, от которого они не смогли оправиться. С этого времени печенеги не возобновляли своих нападений на Русскую землю. При князе Ярославе был совершен последний поход

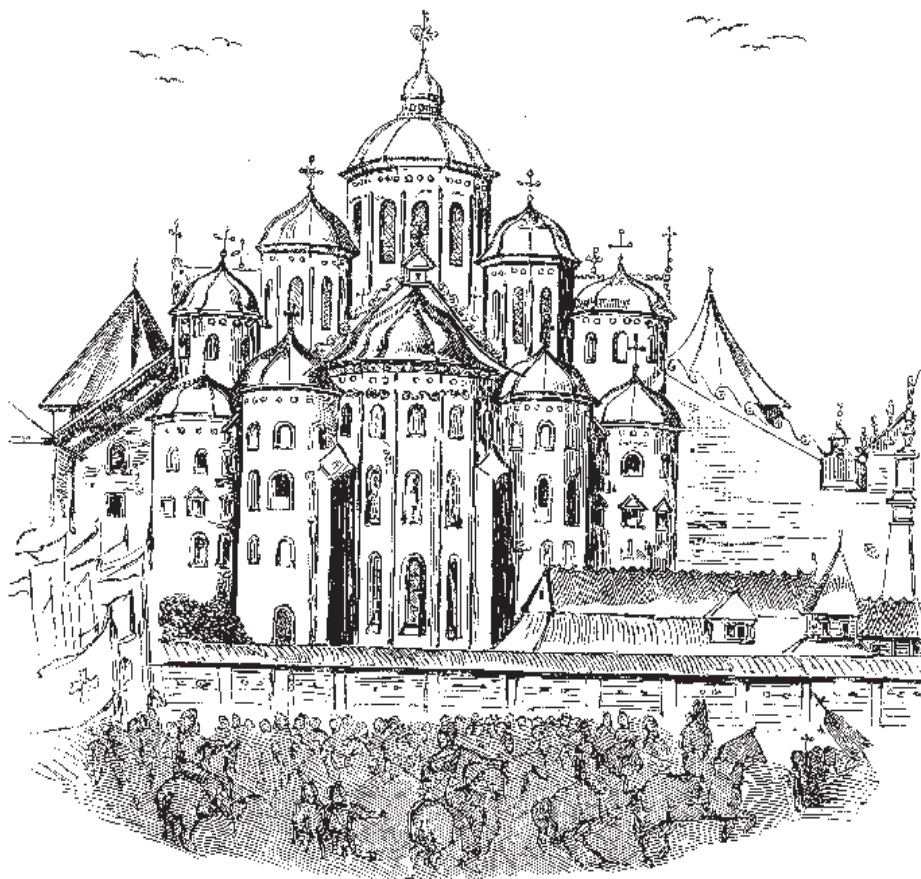

Печать
Ярослава Мудрого.

Первое
разделе-
ние Руси.
Ярослав I
Мудрый.

Внешняя
политика
Ярослава.

в Грецию, окончившийся неудачно для русских — этим походом как бы заканчивается древнейший период русской истории и начинается нескончаемо длинный период внутренних междуусобий, который известен под общим названием *периода удельных княжеств*.

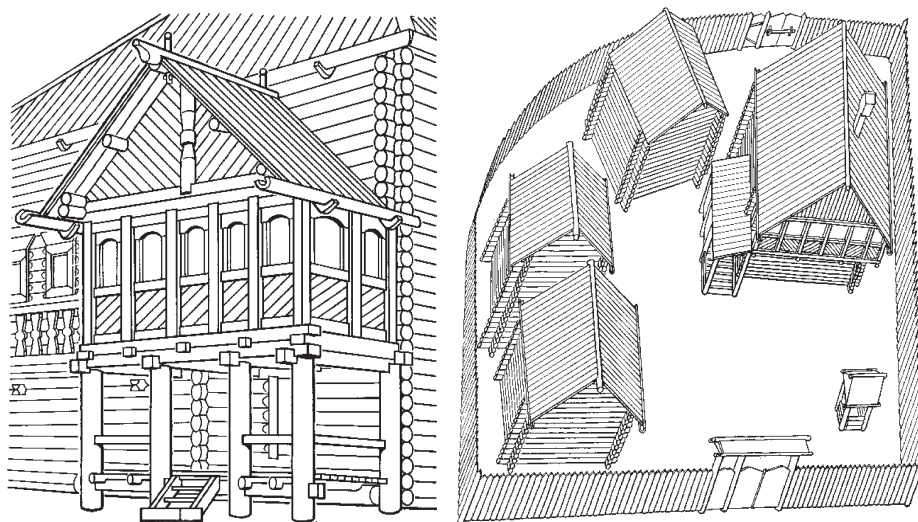

Старейшее изображение Софийского собора в Киеве. Рисунок А. Вестерфельда, XVII в.

Уделы.
Понятие о
старшин-
стве и от-
ношения
между
князьями.

Уделом называлась часть земли или город с областью, которые каждый член княжеской семьи получал от отца в управление и «в кормление». У Ярослава было пятеро сыновей, и всем он раздал части Русской земли в уделы, а старшему из них, *Изяславу*, отдал Киев и придал ему как князю Киевскому и старшему в роду титул *великого князя*. Только Новгород, может быть, ввиду своего особого льготного положения, никому не был отдан в удел, хотя и оставался в зависимости от князя Киевского. Понятие о *Русской*

земле как о чем-то цельном, как о государстве, очевидно, еще не существовало; обособленность земель, входивших в состав Руси, вероятно, еще была очень ощутима — и это в значительной степени способствовало тому патриархальному, чисто семейному разделению Руси, какое было допущено Ярославом

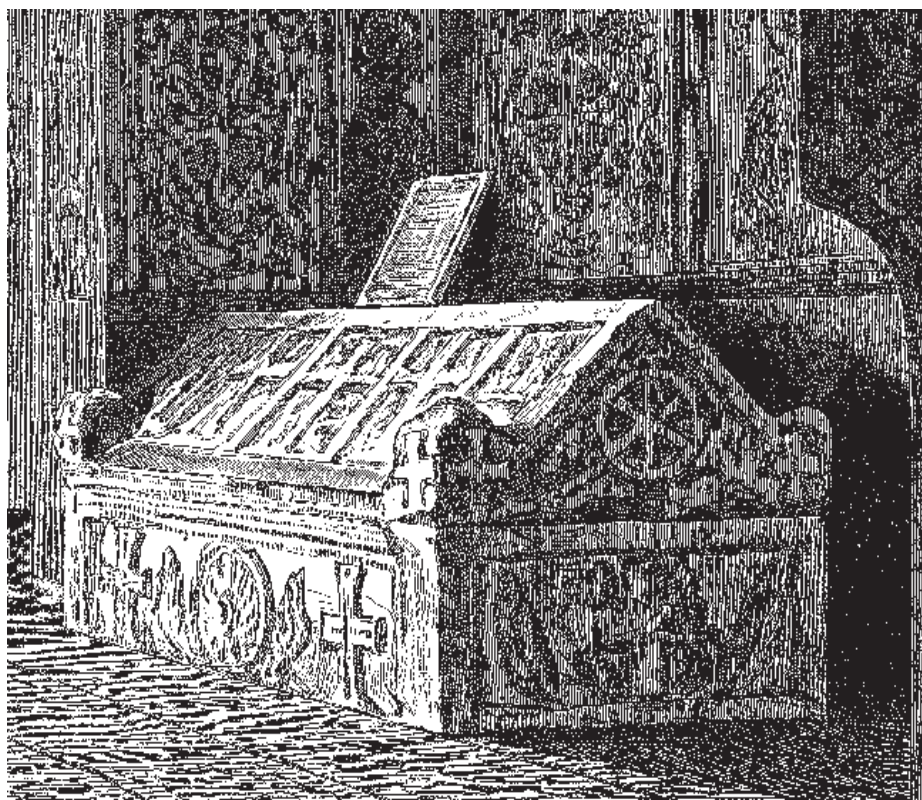

Городское строительство Киевской Руси XI в.

Слева — высокое крыльцо боярского дома: верхний этаж, находящийся на одном уровне жилых покоев, образует открытую галерею — сени (летом здесь обедали); нижний этаж хозяйственный, окна нижнего этажа напоминают бойницы, это делалось специально из соображений безопасности. Справа — двор зажиточного горожанина, представляющий собой комплекс построек: дом, амбар, хлев, производственные помещения и колодец.

между членами его семьи. «Чреватое последствиями» будущее этого разделения, очевидно, еще не принималось во внимание. В завещании Ярослава, насколько передает его русский летописец, чувствуется полное отсутствие государственного начала, слышится голос отца, обращающегося к детям с последними распоряжениями и увещаниями, которые едва ли для кого-либо из них могут быть обязательными. Ярослав завещал детям жить в мире, довольствоваться своими уделами и во всем повиноваться старшему брату, великому князю Киевскому. Старшему брату он завещал заботиться о младших братьях как о своих детях. А между тем, по издревле установившемуся обычаю старшинством признавалось старшинство не семейное, а родовое, и оно то главным образом и послужило поводом к начавшимся раздорам и усобицам. По этому старшинству отцу наследовал не сын, а брат, который таким образом обездоливал своих племянников и вынуждал довольствоваться меньшим уделом. Ни один из уделов, не исключая самого Киева, не был наследственным. После смерти великого князя его место мог занять только старший его брат, который переходил из своего удела в Киев и становился великим

князем Киевским; а все остальные князья передвигались по старшинству из худших уделов в лучшие; старший же сын великого князя мог получить право на великокняжеский престол в Киеве только после смерти всех своих дядей, т. к. он становился старшим в роде по отношению к их детям. Такое запутанное понятие о старшинстве неминуемо должно было, с одной стороны,

*Гробница Ярослава в Софийском соборе в Киеве. Белый мрамор.
Выполнена в византийском стиле.*

вести к раздорам и попыткам захвата великокняжеской власти путем насилия, с другой стороны — обладание Киевом, с которым неразрывно был связан великокняжеский титул, становилось целью всех стремлений и вождельний, причем князья были не способны заботиться о своих уделах и их внутреннем устройстве. Вскоре после смерти Ярослава началась борьба не только между его сыновьями, но и между ними и поколением младших князей. Старшие ради обеспечения своих прав и ограничения прав младших князей придумали правило, по которому только дети великих князей имели право на

старшинство и великокняжеское достоинство — и этим окончательно развязали руки произволу и насилию. Старшие заботились о своих выгодах, а младшие, озлобленные несправедливостью, не очень-то были щепетильны в выборе средств для отмщения. К тому же вскоре у них нашелся сильный союзник, которому было выгодно поддерживать и разжигать раздоры между князьями

Этим союзником были *половцы* — многочисленный и сильный народ тюркского племени, в конце XI в. нахлынувший из азиатских степей в южнорусские. Здесь половцы побили всех прочих кочевников, покорили печенегов и уже с 1070 г. стали производить опустошительные набеги на Русскую землю. Эти набеги были так стремительны, так неудержимы на первых порах, что все русские княжества,

Половцы.

Печать
Олега Святославича (1083–1094).

открытой границей прилегавшие к степному пространству (Киевское, Переяславское, Новгород-Северское, отчасти и Муромо-Рязанское) в течение 30–40 лет должны были сосредоточить все свое внимание исключительно на борьбе с дикими кочевниками, тем более что нередко половцы являлись пособниками той или другой стороны в княжеских распрях или ловко пользовались ими для своих губительных вторжений. Особенно часто к половецкой помощи прибегал один из внуков Ярослава Мудрого, беспокойный князь *Олег Святославич Черниговский*, несправедливо лишенный удела и добивавшийся его всеми способами. Эти раздоры и бедствия вызвали наконец общее негодование и желание во что бы то ни стало уладить дело миром. На двух княжеских съездах (в *Любече* 1097 г. и в *Витичеве* 1100 г.) все вопросы, волновавшие Русь, были подвергнуты многостороннему обсуждению, и все князья невольно подчинились благотворному влиянию князя *Владимира Всеволодовича Мономаха* — одного из замечательнейших русских людей того времени. Владимир Мономах разумно указал князьям на главную нужду времени — необходимость общими силами предпринять поход против половцев. Первый общий поход князей по его инициативе был предпринят в 1100 г. и послужил прообразом целого ряда подобных общих и частных военных предприятий, которые значительно утихомирили половцев и обуздали их хищнические набеги, хотя борьба с ними и длилась в течение почти всего XII в. и служила постоянным поприщем для русской удачи и молодечества.

Вскоре после половецкого похода скончался великий князь Киевский *Святополк II*, и хотя старшинство принадлежало Олегу Святославичу Черниговскому, никто не хотел видеть великим князем человека, приводившего половцев на Русскую землю; по общему соглашению и желанию киевлян великим князем был избран Владимир Мономах, пользовавшийся общим уважением, которое он вполне заслужил своими выдающимися достоинствами.

Избрание
Владими-
ра Моно-
маха.

Характеристика Мономаха. Действительно, этот князь был образцом всех доблестей, какие могли служить в то время украшением правителя. Неустрашимо храбрый воин, Владимир Мономах¹ был в то же время разумным политиком и образованнейшим человеком своего времени. Одаренный твердым характером и сильной волей, он всегда неуклонно шел к избранной цели, умел превосходно пользоваться всеми законными средствами для ее достижения и никогда не злоупотреблял ни властью, ни силой. Стараясь все улаживать мирным путем, Мономах прибегал к оружию только в крайнем случае, но, взявшись за оружие, умел прочить своего противника. Неумолимо деятельный и подвижный, он особенно зорко следил за тем, чтобы «сильный не обижал слабого». Прекрасным памятником его ума и характера остались его уцелевшие письма и особенно «*Поучения сыновьям*», в котором он рассказывает им в назидание свои походы и подвиги, совершенные на войне и «на ловах» (т. е. охоте), а также разъясняет важнейшие правила общежития и нравственности.

Мономаховичи и Ольговичи. Влияние крупной и замечательной личности Мономаха отчасти сказывается и после его смерти (в 1125 г.), т. к. киевский престол, против установившегося обычая, перешел к его сыну *Мстиславу I*, который походил на отца и умом, и характером и нашел твердую опору в родных братьях, правивших четырьмя важнейшими княжествами. Но затем (*Мстислав I* умер в 1132 г.) началась борьба между *Мономаховичами* и *Ольговичами*, перешедшая в борьбу между одним из сыновей Мономаха, князем Ростовско-Суздальским *Юрием Долгоруким* и внуком Мономаха *Изяславом Мстиславичем*, который и умом, и храбростью, и блестящими дарованиями превосходил всех русских князей того времени, а обаянием в общении привлекал к себе все сердца.

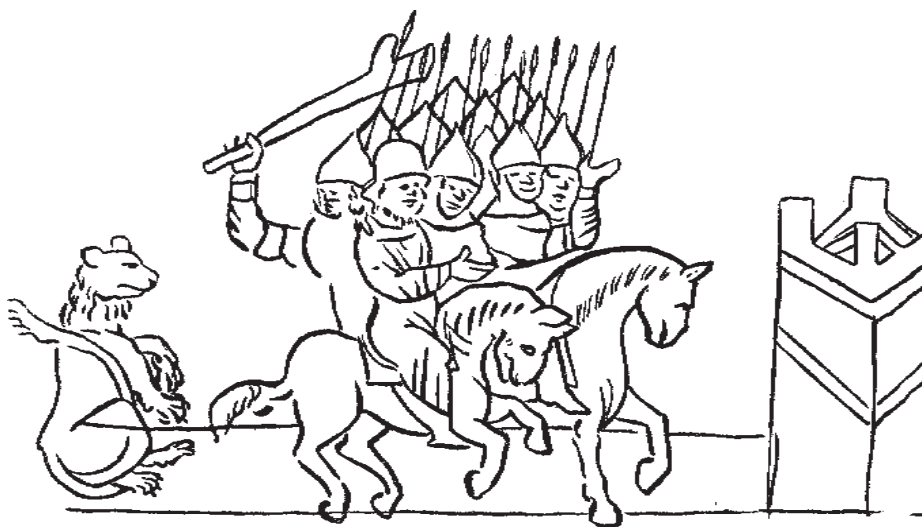
Ослабление Киева. Усиление других княжеств. Результатом этой долгой, упорной и изнурительной борьбы было значительное ослабление Киевского княжества, а также падение великокняжеского достоинства, которое стало переходить от одного князя к другому уже не на основании права, а на основании силы. И хотя Юрию Долгорукому после смерти Изяслава Мстиславича удалось наконец завладеть великокняжеским престолом и удержаться на нем до кончины, центр тяжести русской исторической жизни стал колебаться между двумя вновь возникшими княжествами, быстро возраставшими в силе и значении. С одной стороны, этот центр стал перемещаться на запад и юго-запад Руси, где образовались могущественные княжества: *Волинское* и *Галицкое* (впоследствии слившиеся в одно Галицкое княжество); с другой — на северо-восток, где явилось также весьма сильное *Ростовско-Суздальское княжество*. Таким образом, стало проявляться явное отделение Южной Руси от Северной, в которой рядом с Ростовско-Суздальским княжеством возникла еще одна важная политическая единица в виде *Новгородской земли*, быстро богатевшей и во все стороны расширявшей свои пределы. Сын Юрия Долгорукого, князь *Андрей*, впоследствии прозванный *Боголюбским*, которому отец собирался передать великокняжеское достоинство и киевское княжение, отказался от этой чести и удалился в

¹ Он прозван был так по родству с греческим императором Константином Мономахом, который приходился Владимиру Всеволодовичу дедом по матери, греческой царевне.

Золотые ворота во Владимире-на-Клязьме. Вид XIX в.

Суздальскую землю, удел отца, где избрал резиденцией город *Владимир-на-Клязьме*. После смерти Юрия, когда из-за Киева вновь поднялась распря между князьями, Андрей вдруг предъявил на него свои права и вступил в борьбу, которая окончилась полным поражением князей и жестоким опустошением и разграблением Киева (1169 г.). Присвоив себе титул великого князя, Андрей как бы намеренно пожелал выказать свое пренебрежение к Киеву и

Символическое изображение поражения Юрия Долгорукого (1132 г.).
Радзивилловская летопись.

Дружинник Изяслава Мстиславича замахивается палицей на льва (эмблема на щите Юрия Долгорукого). В Радзивилловской летописи есть целая серия рисунков, где побежденного символизирует зверь: медведь, барс, собака и обезьяна.

остался жить во Владимире, который приобрел при нем важное, первенствующее значение в Русской земле. Отсюда, пользуясь своими связями и могуществом, властолюбивый и гордый Андрей Юрьевич распоряжался судьбами Киевской Руси...

В это же время на западе Киева возникла новая сила в виде *Волинского княжества* с неприступными городами (*Владимир-Волинский, Луцк и Дорогобуж*) и целым рядом талантливых князей, который завершился крупной личностью *Романа Мстиславича* (1172–1205). Этот замечательный князь особенно прославился своими упорными войнами против диких и свирепых *литовцев*, на которых своей беспощадной суровостью навел такой ужас, что матери страшали им своих детей. В 1198 г. Роман сумел ловко воспользоваться смутами в соседнем *Галицком княжестве* и присоединил его к своим владениям после долгой и ожесточенной борьбы с могущественными и богатыми галицкими боярами.

Усиление
Владимиро-
Волинского
княжества.

К концу XII в. по всей Руси заметно одно и то же явление: удельные княжества, переходившие из рук в руки, от князя к князю по правам старшинства, превращаются в *наследственные*, которые удерживаются в княжеском роде как его родовая собственность. Исключением является только Новгородская земля с ее столицей *Новгородом Великим* на реке Волхов и многочисленными пригородами. Там князья правят не на основании прав

Внутренний быт Новгорода.

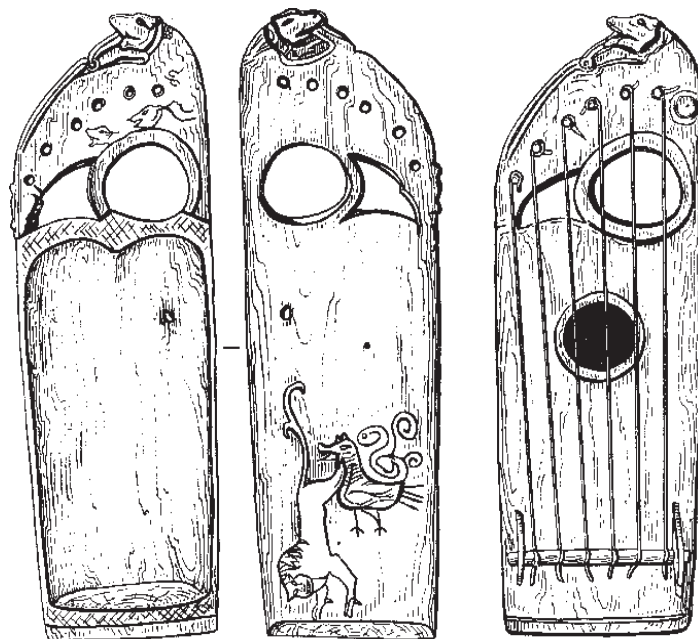

Захват Романом Мстиславичем Киева (1203 г.).
Радзивилловская летопись.

Киевляне открыли ворота дружине Романа Мстиславича. Роман, заняв нижний город, отправил послов к правившему в Киеве Рюрику Ростиславичу и предложил ему добровольно покинуть город, на что тот согласился.

старшинства или родового наследования, а по добровольному приглашению и выбору новгородских граждан. Как и когда установился этот обычай выбора князя из среды всех русских князей — неизвестно, как неизвестно и время, когда Новгород освободился от своей зависимости от Киева. Возможно, это право избрания князей находилось в некоторой связи с льготами, которые некогда дал Новгороду Ярослав Мудрый — по крайней мере, новгородцы, в тех случаях, когда дело касалось их вольностей, любили ссылаться на древние «Ярославовы грамоты». Может быть, на основании тех же грамот, а может быть и просто в силу обычая, постепенно установившегося в далеком и обособленном от остальной Руси Новгороде, власть князя оказалась здесь не такой полной и значительной, как в других княжествах: она была ограничена народным собранием (*вече*) и кружком выбираемых вече городских представителей (*посадников, тысяцких* и т. д.). Многие из русских князей, избираемых новгородцами, уживались с вольнолюбивыми гражданами Новгорода, кня-

жили долго, иногда даже до самой смерти, и умирали, оплакиваемые всеми. Иные, напротив, сразу вступали в препирательство с новгородцами, не ладили и спорили с ними, и тогда вече говорило князю: «Кланяемся тебе, не можем жить с тобой; ступай от нас, а мы себе другого князя промыслим». Князь был важен для Новгорода как судья и беспристрастный решитель тяжб между местными сословиями, беспрестанно сталкивавшимися из-за разных земель-

*Гусли, найденные при раскопках в Новгороде.
Лицевая сторона (слева), оборотная (центр), реконструкция (справа).*

ных, торговых, промышленных и чисто административных интересов. Важен был князь и как военачальник, который во главе новгородского ополчения должен был в случае нужды силой отстаивать торговые интересы Новгорода, наказывать его возмущившихся данников, а главное — защищать Новгород от внешних врагов, грозивших ему с севера и запада.

Но при всей самостоятельности и богатстве у Новгорода была своя слабая сторона, которой отлично сумели воспользоваться его ближайшие соседи, *суздальские князья*. Скучная Новгородская земля получала весь хлебный запас из Поволжья, которое находилось во власти суздальских князей. Это ставило новгородцев в зависимость от них, т. к. в случае войн и несогласий они легко могли задержать хлебные запасы, идущие с Волги, и тогда Новгороду угрожал голод. Андрей Юрьевич Боголюбский — тонкий и беспощадный политик — первым понял всю силу этого неудобства жизни Новгорода и решил

**Новгород
и Суз-
даль.**

им воспользоваться. Он сумел привлечь на свою сторону часть новгородских граждан и с их помощью навязал в князья Новгороду одного из своих родственников. Князь стал распоряжаться самовольно, и новгородцы, изгнав его, вошли в отношения с киевским князем Мстиславом Изяславичем и призвали к себе в князья его знаменитого сына Романа (1168 г.). Озлобленный этим, Андрей объявил войну новгородцам, двинул против них сильное войско и

*Новгородцы договариваются с Андреем Боголюбским о выборе князя.
Радзивилловская летопись.*

осадил Новгород. Осада была неудачна, приступы суздальской рати были отбиты со значительным уроном, и она была вынуждена отступить, преследуемая новгородцами, которые приписали свою победу чуду древней иконы Знаменья Божьей Матери, носимой по стенам города во время наступления суздальской рати. Эта икона и поныне хранится в Новгороде как величайшая местная святыня. Хотя эта удача не принесла новгородцам никакой существенной пользы, т. к. вскоре после того они сами вынуждены были примириться с князем Андреем, однако сам факт их успешной борьбы с могущественным суздальским князем, перед которым склонялась в ту пору почти вся Русь, свидетельствует о том, какой силы и значения успел достичь Новгород на севере древней Руси во второй половине XII в.

Гораздо страшнее для Новгородской земли был враг, который пришел с Запада и прочно основался на балтийском побережье, заселенном *чудью, ливами и латышами*, платившими дань Новгороду и князьям Полоцким. В середине XII в. в устье Двины бурей были занесены корабли бременских купцов, и с той поры они стали ежегодно являться сюда с товарами. Следом за купцами явился в 1187 г. и немецкий миссионер, священник *Мейнхард*, построил церковь близ селения Икшкиле (около нынешней Риги), а потом при помощи собравшихся вокруг него немцев воздвиг замок. Латыши и ливы туго поддавались христианской проповеди, тем более, что слово Божье пропо-

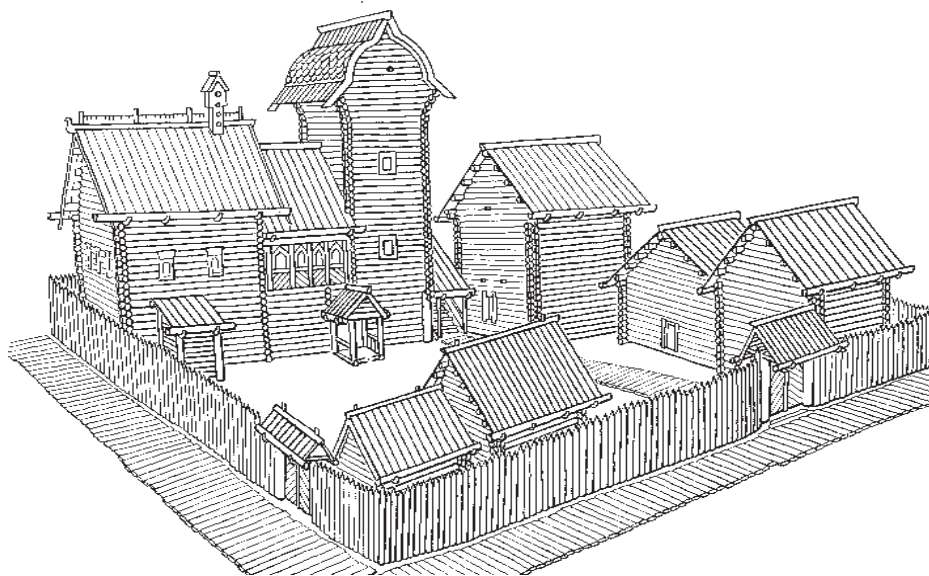
Появление Ливонского ордена.

ведовалось им на чужом языке, и проповедники относились к своей пастве сурово, более помышляя о захвате земель, нежели о проповеди. Убедившись в этом, туземцы восстали против пришельцев и стали их немилосердно избивать. На выручку немцам явился новый епископ, *Альберт Буксгевден* (1199 г.), человек находчивый и энергичный, и привел с собой большое войско. Туземцы вынуждены были покориться силе и стали креститься поневоле, а епископ Альберт построил крепкий город *Ригу* и основал в нем свою резиденцию. Затем под предлогом борьбы с язычеством и защиты новых христиан Альберт выпросил у папы разрешение учредить особый *Ливонский орден* духовных рыцарей под названием *Ордена меченосцев*. Рыцари этого ордена получили от папы право на владение покоренными землями под властью местного епископа. Во главе ордена был поставлен особый, выбираемый из рыцарей ордена магистр. Теперь миссионерская деятельность Альберта свелась к завоеванию: туземцам навязывали крещение насильно, крестили их разом целыми селами, непрерывно грозя им огнем и мечом. Малейшее неповиновение или сопротивление подавлялось самыми жестокими мерами. Постепенно меченосцы завладели всем прибалтийским побережьем, а затем стали простираť свои виды далее, двигаясь в сторону Новгородской земли, у которой они вскоре отняли город Юрьев, построенный Ярославом Мудрым, и переименовали его в *Дерпт*. С этой поры началась на новгородской окраине упорная борьба с немцами, длившаяся несколько столетий, в которой новгородцы оказали русской земле большие услуги, отстояв целостность ее территории от чужеземного захвата и область церкви своей от попыток распространения в ней католицизма.

Очерк
внутрен-
него быта
Руси до
конца
XII в.

Если оглянуться на результаты исторического развития русского народа в течение трех веков до конца XII в., можно прийти к выводу, что в общем русское общество конца XII и начала XIII в. по уровню образования, понятиям и воззрениям, обычаям и быту в большей части не отличалось от тогдашнего европейского общества, хотя и имело свои особенности. Общественные, сословные и юридические отношения были правильно установленными, органически развивающимися, подчиненными общему, равному для всех писаному закону. С одной стороны, мы видим князей с их дружинами — как власть административную и судебную, однако ограниченную законом и обычаем, с другой — городское и сельское население, людей свободных и не теснимых ничьим произволом. Видим раздоры и междуусобные войны между князьями, в которых население не принимает никакого участия, не сочувствуя частным и личным интересам князя, и целые области, которые как один человек вступаются за любимого князя. Видим и такие примеры, когда князь, давно не правящий землей, издали спешит на выручку ее гражданам от бедствия и опасности и жертвует для этого своим спокойствием и личной безопасностью. Женщина занимает в обществе видное, выдающееся положение; она является и опекушкой своих детей, и воспитательницей; ее личная свобода ничем не стеснена, и в то же время ее имущественные и иные права обеспечены законом. Княжны и княгини строят храмы, учреждают монастыри, путешествуют по святым местам — в Царьград и на поклонение Гробу Господню; в

распрях между князьями они являются миротворцами и ходатаями за обиженных и угнетенных. Русская церковь по сравнению с любой из церквей Западной Европы имела несомненное и важное преимущество: она говорила с народом на понятном ему языке и жила с ним одной жизнью. Богослужбные книги и священное писание были принесены в русскую землю в славянском переводе святых *Кирилла* и *Мефодия*, и художественно разработанный язык этого перевода в такой же степени послужил основой для развития древнерусской литературы в какой и латинский текст священного писания на Западе — основой средневековой латинской литературы

*Мастерская и хоромы новгородского художника Олисея Гречина. XII в.
Реконструкция по результатам археологических раскопок.*

и письменности. Великим преимуществом русской церкви было еще и то, что она, находясь в близких и дружественных отношениях с князьями и дружинами, никогда не посягала на мирскую власть, строго держалась церковного устава, составленного по образцу греческого Номоканона еще при князе Владимире Равноапостольном, дополненного при Ярославе I. Своими проповедями и примером русское духовенство способствовало общему улучшению и смягчению нравов. В этом отношении особенно важно право суда, которое предоставлялось духовенству церковным уставом, т. к. церковному суду подлежали все преступления против религии, нравственности и семейной жизни. Важное значение в древнерусской жизни имели монастыри — не только как религиозные центры, но и как распространители просвещения. В монастырях велись летописи, писались книги, переводились сочинения с греческого,

латинского и древнеболгарского языков на древнерусский. Князья и их дружина представляли собой сословие не только грамотное, но и в более обширном смысле образованное. Многие князья знали по несколько иноземных языков, а знание греческого языка было в княжеской среде довольно обычным; многие князья собирали у себя в палатах целые библиотеки книг, за которые по тому времени приходилось платить очень дорого, и ничего не жалели для приобретения книжной премудрости. В княжеской и дружинной среде зародилась светская литература, которая обещала ей в будущем блестящее развитие; авторами этих произведений, как и на Западе, были миряне, из дружинников или княжеских певцов (своего рода миннезингеров).

Связи с
Евро-
пой.

Понятно, что при таком уровне образованности связи с Европой были тесны, отношения оживлены. Это особенно ярко проявляется в том, что браки между русскими, греческими и западноевропейскими княжескими родами были явлением весьма обычным. Вспомним в доказательство хотя бы времена Ярослава Мудрого: сам он был женат на дочери шведского короля Олафа Ингигерде; его сестра Мария была замужем за польским королем Казимиром (1043 г.); дочери: Анастасия — за венгерским королем Андреем; Елизавета — за норвежским королем Харальдом III; Анна — за французским королем Генрихом I. Греческие царевны выходили за русских князей: отец Мономаха был женат на греческой царевне. С другой стороны, на тесную близость Европы (не только Западной, но и Центральной) с древней Русью домонгольского периода указывает и общность экономических и торговых интересов: древняя Русь к началу XIII в. занимала такое видное место в общеевропейской торговле, что среднеевропейские торговые товарищества вскоре после своего возникновения уже не могли обойтись без участия Руси, и даже суровая Ганза включила Новгород в сеть своих торговых контор и факторий как равноправного участника и компаньона. Но в первой половине XIII в. на Русь обрушилось страшное и неожиданное бедствие, которое разом отделило ее от остальной Европы и замедлило ход развития на целых два века, сосредоточив все нравственные и умственные силы русского народа исключительно на заботах о личной безопасности и сохранении важнейших, основных начал русской жизни.

